

В.В. МАРЬИНА

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗАКАРПАТЬЯ К СССР (УССР). 1944–1945 годы

29 июня 1945 г. в Москве был подписан Договор о Закарпатской Украине, согласно которому эта область, входившая ранее в Чехословакию под названием Подкарпатская Русь (ПР), воссоединялась “со своей издавней родиной – Украиной” и включалась в состав Украинской ССР¹. История этого процесса рассмотрена автором в монографии “Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина”², имеющей обширное документальное приложение. Поэтому частые отсылки читателя к этой книге неизбежны. Еще в 1939 г. Э. Бенеш как президент будущей восстановленной в домюнхенских границах Чехословакии выражал готовность после войны и на законных основаниях передать Подкарпатскую Русь Советскому Союзу. От своих слов он не отказался и после восстановления советско-чехословацких дипломатических отношений 18 июля 1941 г.³ Однако до поры до времени советское руководство не считало нужным ставить вопрос о будущем Закарпатья в практическую плоскость и обсуждать этот вопрос на межгосударственном уровне. В начале 1944 г. все чехословацкие политики, в том числе и коммунисты, говорили о восстановленной Чехословакии, как о государстве трех славянских народов: чехов, словаков и подкарпатских украинцев. Однако Бенеш и его окружение (особенно военные) были встревожены заявлениями некоторых политических деятелей УССР о том, что “надо объединить всех украинцев”. Эти мысли стали озвучиваться в связи с реорганизацией 1 февраля 1944 г. Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР, в результате которой возникли формально самостоятельные НКВД УССР и НКВД БССР. Симптоматично в этом плане было и появление на посту наркома иностранных дел УССР Д.З. Мануильского, бывшего представителя ЦК ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна, который считал жителей Подкарпатской Руси украинцами. С приближением Красной Армии к довоенным границам СССР вопрос “об объединении всех украинцев” стал переходить из теоретической в практическую плоскость.

8 мая 1944 г. по инициативе чехословацкой стороны было подписано ею же сформулированное Соглашение об отношениях между советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии⁴. Соглашение носило общий характер, что давало возможность каждой из сторон толковать его положения в свою пользу⁵. Актуальным в это время стало и развитие партизанского движения на территории ПР, чем занимался Украинский штаб

Марьина Валентина Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник-консультант Института славяноведения РАН.

¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 5. Май 1945 г. – февраль 1948 г. М., 1988, с. 78–79.

² *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003.

³ См. подробнее: *Марьина В.В.* Закарпатье как объект международной политики 1938–1943 гг. – Новая и новейшая история, 2015, № 5.

⁴ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960, с. 160–162.

⁵ Анализ соглашения см.: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина..., с. 40–44.

партизанского движения в Киеве. В мае 1944 г. он направил в Закарпатье (районы Тячева, Мукачева, Свалявы) три группы десантников для помощи в организации этого движения. С мая по октябрь 1944 г. в Закарпатье было десантировано 262 опытных партизанских организатора, среди которых находилось много украинцев. В июне-сентябре здесь действовали отряды под командованием И. Косика, В. Лаврова, И. Маслова, С. Сопилкова, Героя Советского Союза А. Тканка, В. Русина, В. Буянова, В. Хоменко, М. Перечинского, В. Магориты⁶, развившие довольно бурную деятельность. Партизанское движение находилось под советским контролем и управлением, чехословацкое эмигрантское правительство не имело на него, как и в Словакии, никакого влияния.

Выход УССР на международную арену, активизация партизан, видимо, заставили Бенеша снова повторить в разговоре с советским послом при союзных правительствах в Лондоне В.З. Лебедевым 12 июля 1944 г., что “в определенное время мы договоримся о том, чтобы русские взяли также Подкарпатскую Русь”⁷. Бенеш, как уже говорилось, являлся непреклонным сторонником решения вопроса о ПР между ЧСР и СССР после войны и на законных основаниях⁸. Чехословацкое правительство в Лондоне сформировало делегацию во главе с Ф. Немцем для организации жизни на освобожденной территории ЧСР. 25 августа она прибыла в Москву и 26 августа в присутствии чехословацкого посла в СССР З. Фирлингера и начальника чехословацкой военной миссии в СССР генерала Г. Пики была принята заместителем наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинским. Обсуждались вопросы практической деятельности чехословацкой администрации на освобожденной территории ЧСР⁹. 29 августа 1944 г. вспыхнуло словацкое национальное восстание, и по решению чехословацкого правительства делегация отправилась на освобожденную в его ходе территорию Словакии, куда прибыла 7 октября.

9 сентября 1944 г. началась Карпатско-Ужгородская операция войск 4-го Украинского фронта, целью которой было разгромить противника в Восточных Карпатах и выйти в район Мукачево – Ужгород – Чоп. Преодолев главный Карпатский хребет, войска фронта совершили прорыв на Средне-Дунайскую низменность и правобережье Тисы. Овладев Лупковским, Русским, Ужокским, Вышковским, Верецким, Яблоничким и Татарским перевалами, советские войска “продвинулись в глубь территории Чехословакии от 20 до 50 км на фронте протяжением 275 км”¹⁰. Напомним, что ПР, в марте 1939 г. оккупированная Венгрией, в марте 1944 г. была оккупирована еще, как и вся Венгрия, нацистскими войсками. 11 октября 1944 г. союзниками по антигитлеровской коалиции были подписаны предварительные условия перемирия с Венгрией, из которых следовало, что она не может рассчитывать на сохранение Закарпатья в своем составе¹¹. Венгерская администрация покидала край вместе с отступавшими немецко-венгерскими войсками. 23 октября Красная Армия освободила Хуст, 26 – Мукачево, 28 – Ужгород, 29 октября – Чоп. Согласно известным автору документам и литературе население Закарпатья с восторгом встречало освободителей. Потери советских вооруженных сил в ходе Карпатско-Ужгородской операции составляли 64 197 человек, в том числе убитыми 13 500 солдат и офицеров¹². В 1945 г. на окраине Ужгорода сооружен мемориал в память о советских воинах, погибших за освобождение Закарпатья.

⁶ Za národní osvobození, za novou republiku. 1938–1945. Praha, 1982, s. 361–362.

⁷ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945. Dokumenty, d. 2. Praha, 1999, s. 266.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 17, оп. 128, д. 764, л. 72.

⁹ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 0138а, оп. 256, п. 154, д. 5, л. 22.

¹⁰ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4, кн. 2. Декабрь 1943 г. – май 1945 г. М., 1983, с. 211–212.

¹¹ Желицки Б.Й. Регент Венгрии Миклош Хорти (1868–1957). – Новая и новейшая история, 1996, № 2, с. 205–206.

¹² Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001, с. 314.

В конце октября 1944 г. чехословацкое правительство приняло решение о переезде чехословацкой правительственной делегации “из Словакии на освобожденную территорию Карпатской Украины”¹³. 27 октября командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии И.Е. Петров получил за подписью заместителя начальника Генштаба Красной Армии А.И. Антонова директиву, которая гласила: “Верховный Главнокомандующий разрешил допустить группу чехословацких представителей на освобожденную территорию Чехословакии для организации местной гражданской администрации. Разрешено также чехословакам проводить мобилизацию на освобожденной территории”¹⁴. В тот же день в Турце (под Львовом) Ф. Немец встретился с членом Военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковником Л.З. Мехлисом и получил разрешение на размещение делегации в Хусте, а не в Ужгороде, как сначала предполагалось, поскольку тот находился еще в зоне оперативных действий Красной Армии.

К месту своего размещения делегация прибыла 28 октября, т.е. в день празднования государственной независимости Чехословакии. По словам Немца, “прибытие правительственной делегации на территорию Карпатской Украины было встречено большинством местного населения положительно. Мысль о восстановлении Чехословацкой Республики представлялась очевидной”. Об этом настроении, по мнению Немца, свидетельствовал, в частности, митинг, который состоялся 29 октября утром. Он начался оглашением пространной поздравительной телеграммы Бенешу и Сталину. Главный оратор член делегации коммунист И.И. Туряница¹⁵ говорил ясно и недвусмысленно о восстановлении Чехословацкой Республики на принципе сосуществования трех равноправных славянских народов¹⁶. В тот же день, 29 октября, Ф. Немец направил телеграмму И.В. Сталину о том, что как глава делегации он “принял власть (подчеркнуто мной. – В.М.) в освобожденных районах Чехословацкой Республики”¹⁷. Аналогичная телеграмма была послана и Бенешу. В ней Немец выражал надежду, что президент как можно скорее прибудет на освобожденную территорию. Однако советское руководство имело на этот счет свое мнение. 1 ноября НКВД СССР счел необходимым конфиденциально указать Фирлингеру, что формулировка в телеграмме Немца “принял власть на освобожденной территории” точно не отвечает принципам соглашения о компетенции правительственного делегата и что вопрос о переезде на освобожденную территорию президента и правительства пока не актуален, поскольку Карпатская Украина до сих пор является военной зоной¹⁸. 3 ноября Немец посетил штаб 4-го Украинского фронта и встретился с Петровым. Генерал с картой и карандашом в руках обозначил демаркационную линию, которая делила всю Карпатскую Украину на восточную и западную зоны. В первой, включавшей пять районов (Хуст, Севлюш, Тячево, Рахов и Волове), могла развертывать деятельность чехословацкая правительственная делегация, вторая оставалась под управлением советских военных органов. Представители чехословацкой администрации не имели права без разрешения советских военных властей пересекать демаркационную линию и пребывать в зоне оперативных действий Красной Армии. Помимо администрации правительственного делегата в зоне на восток от демаркационной линии действовали советские

¹³ Fierlinger Z. Ve službách ČSR, d. 2. Praha, 1948, s. 386–387.

¹⁴ Русский архив: Великая Отечественная, т. 14-3(2). Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944–1945. М., 2000, с. 508.

¹⁵ И. Туряница, офицер по просветительной работе сформированного в СССР и сражавшегося на советско-германском фронте 1-го Чехословацкого армейского корпуса, отправился в ПР с группой офицеров корпуса несколько раньше, чем вся делегация. – Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu, sv. I-1, I-2. Praha, 1965, I-2, s. 287.

¹⁶ Zpráva vládního delegáta Františka Němce o vývoji na Podkarpatské Rusi 1944. Dokumenty. – Sborník archivních prací, 2000, № 1, s. 138.

¹⁷ Документы и материалы..., т. 4, кн. 2, с. 223.

¹⁸ Československo-sovětské vztahy..., d. 2, s. 316.

военные комендатуры, которые, естественно, подчинялись советскому командованию и выполняли его приказы. Таким образом, территория, как будто подведомственная Немцу, на самом деле оказалась “зоной двоевластия”, что приводило к множеству недоразумений и конфликтов. Советские военные коменданты не были сторонними наблюдателями и при создании местных органов власти. Вот как описывал Немец выборы в Национальный комитет Хуста, состоявшиеся на вышеупомянутом митинге 29 октября 1944 г.: “Митинг открыл советский военный комендант города заявлением, что существующий национальный комитет состоит из самозванцев и что дело населения выбрать новый. Потом был зачитан список кандидатов, составленный накануне на пленарном заседании коммунистической партии, и по каждому из кандидатов задан вопрос, имеются ли против него возражения. Ни у кого возражений не было, и поэтому предложение без голосования было объявлено как принято”¹⁹. Везде ли выборы были похожи на описанные, трудно сказать, но, надо думать, советские военные коменданты играли в их организации не последнюю роль. В задачу правительственного делегата в связи с планами Бенеша на децентрализацию восстановленной ЧСР входило создание в ПР Земского национального комитета и соответствующей вертикали национальных комитетов на местах²⁰. В соответствии с полученными ею указаниями делегация пыталась участвовать в создании местных органов власти или наладить связь с уже существовавшими местными комитетами²¹. Создание сети районных национальных комитетов на территории к востоку от демаркационной линии было завершено примерно в течение трех недель. По словам Немца, сотрудничество чехословацкой администрации с комитетами было в основном хорошим.

Разместившись в Хусте, чехословацкая администрация немедленно приступила к налаживанию своей деятельности. С точки зрения поставленных перед нею задач она являлась филиалом чехословацкого эмигрантского правительства на освобожденной территории ЧСР²². Важнейшей своей задачей, вытекавшей из соглашения от 8 мая 1944 г., военные члены делегации во главе с генералом А. Гасалом (Нижборским)²³ считали мобилизацию граждан ПР в чехословацкую армию. Но 5 ноября 1944 г. Немец получил сведения о том, что в районе Хуста и его окрестностей вывешены объявления о наборе добровольцев в Красную Армию. Вечером того же дня правительственный делегат был вызван в штаб фронта для ведения переговоров, в которых участвовали с советской стороны Петров и Мехлис, а с чехословацкой – Немец и Гасал. Командующий 4-м Украинским фронтом заявил, что объявления, подписанные советскими военными комендантами, вывешены по его приказу и что местное население выразило желание служить в Красной Армии. Он напомнил, что в свое время советское правительство дало согласие на вступление в чехословацкую воинскую часть в СССР украинцев (т.е. жителей Подкарпатья, находившихся в советских лагерях. – В.М.) и польских чехов (советских граждан) и что теперь, как он надеется, в качестве “услуги за услугу” чехословацкое правительство должно разрешить набор в Красную Армию украинцев и русских, жителей ПР²⁴.

11 ноября Немец отправил Фирлингеру в Москву для передачи в Лондон следующую телеграмму: “Массовый набор наших граждан в Красную Армию с согласия советских военных инстанций укрепляет в мысли, что дело идет к плебисциту о при-

¹⁹ Zpráva vládního..., s. 143.

²⁰ Delegace Slovenské národní rady v Londýně (říjen-listopad 1944): nové dokumenty. – Česko-Slovenská historická ročenka, 1999. Brno, 1999, s. 236, 243.

²¹ В чехословацких документах комитеты называются национальными, в советских – народными. Поэтому в тексте имеется кажущееся противоречие в их наименовании.

²² Пон И.И. Чехословакия – Советский Союз. 1941–1948 гг. М., 1990, с. 143; Němeček J. Edvard Beneš a Sovětský Svaz 1939–1945. – Slovanské historické studie, 23. Praha, 1997, s. 337.

²³ А. Гасал был назначен командующим чехословацкими вооруженными силами на освобожденной территории.

²⁴ Zpráva vládního..., s. 139–140.

соединении к СССР. Завтра, в воскресенье, везде должны пройти собрания подобного плана, и в Москву якобы направлена делегация. Информировать немедленно Лондон”²⁵. В тот же день, 11 ноября 1944 г., Г. Пика посредством радиопеши сообщил министру иностранных дел Я. Масарику и военному министру С. Ингру о наборе жителей Подкарпатья в Красную Армию. Текст вывешенных по этому поводу для всеобщего ознакомления объявлений, переданный А. Гасалом, гласил: “От русского и украинского населения Подкарпатской Украины приходят вопросы о том, как вступить добровольно в Красную Армию. 1. Объясняем, что граждане Подкарпатской Украины, русские и украинцы, могут вступить добровольно в ряды Красной Армии, чтобы сражаться с оружием в руках против немецких и венгерских захватчиков. 2. По всем вопросам, связанным с добровольным вступлением в ряды Красной Армии, обращайтесь к военному командованию. 3. В Красную Армию принимаются добровольцы до 40 лет”²⁶.

Естественно, что “чехословацкий” Лондон был встревожен этой информацией. Бенеш в беседе с Лебедевым 13 ноября обратил его внимание “на невозможность действий советских военных органов на Подкарпатской Руси, где набирают добровольцев в Красную Армию”. На следующий день об этом же говорил с В.З. Лебедевым государственный министр чехословацкого МИД Г. Рипка. Посол подтвердил, что вопрос требует быстрого улаживания, “поскольку иначе его могли бы легко использовать против Советского Союза и против Чехословакии все те, кто к вам и нам относится недоброжелательно”²⁷. 14 ноября Лебедев посетил Бенеша, чтобы сообщить ему, согласно записи в дневнике личного секретаря Бенеша Э. Таборского, ответ Молотова. Советский нарком просил, чтобы “мы не настаивали на увольнении уже принятых добровольцев и не возражали против набора последующих”. Однако Бенеш настаивал на прекращении призыва и агитации, сказав только, “что мы не будем дезавуировать русское командование в вопросе о людях, уже вступивших в Красную Армию”²⁸. Естественно предположить, что Молотов осознавал несоответствие действий советских военных органов на освобожденной территории ПР советско-чехословацкому соглашению от 8 мая 1944 г., но также естественно предположить, что советское руководство понимало и стремление военных путем набора добровольцев хотя бы отчасти восполнить серьезные потери, понесенные советскими войсками в боях за преодоление Карпат и освобождение Закарпатья. Отсюда – попытка Молотова договориться с Бенешем о его согласии на набор добровольцев в Красную Армию. Однако президент, прежде всего по политическим соображениям, на это не пошел. 17 ноября 1944 г. Рипка телеграфировал Фирлингеру о том, что Бенеш мог бы дать согласие на каждое отдельное добровольное вступление в ряды Красной Армии, но нельзя допустить, чтобы это стало массовым явлением. “Это сделало бы невозможным организацию нашей армии на нашей территории, – говорилось в телеграмме, – и получило бы характер политической акции, которая повредила бы нашему правительству и нашему государству в будущем”²⁹.

Советское руководство в своих представлениях о деятельности чехословацкой администрации на освобожденной территории ПР исходило, с одной стороны, из заинтересованности СССР в этой области в долгосрочной перспективе, с другой – должно было учитывать необходимость решения первоочередных задач в ближайшем тылу Красной Армии, а также выполнения статей майского соглашения. Это, собственно, показала и записанная З. Фирлингером беседа с советским дипломатом В.А. Зориным 14 ноября 1944 г. По словам посла, советская позиция сводилась к следующему: чехословацкая администрация должна, прежде всего, стремиться поставить весь тыл на службу [Красной] армии с точки зрения военной и хозяйственной. Всюду там, где это

²⁵ Ibid., s. 140–142.

²⁶ Československo-sovětské vztahy..., d. 2, s. 342.

²⁷ Ibid., s. 337–338.

²⁸ Ibid., s. 340.

²⁹ Ibid., s. 343.

возможно, следует восстановить производство, работающее прежде всего на фронт. Делегат должен свои требования всегда обсуждать со штабом фронта, прежде всего с военным советом фронта, который состоит из ближайших сотрудников командующего фронтом и в компетенцию которого входят все важные политические и хозяйственные вопросы, касающиеся не только фронта, но и всего тыла. Этот военный совет останется в контакте с нашей делегацией также и в зонах, на которые будут полностью распространяться полномочия делегата. Членом Военного совета является бывший редактор “Правды”, комиссар Мехлис, который имеет инструкции идти во всем навстречу нашей делегации. Там, где вопросы, предложенные нашим делегатом Военному совету, будут превышать его полномочия, военный совет будет обращаться к Верховному Главнокомандованию Красной Армии, а оно же, в случае необходимости, далее – к правительству». Фирлингер так комментировал записанные им слова советского дипломата: “Из того, что мне говорил Зорин, ясно, что нашей военной миссии, которая должна быть связующим звеном между командованием Красной Армии и нашей делегацией, выпадает важная роль (ст. 4 соглашения. – *В.М.*). Известно, что в свое время нами было заявлено Наркоминделу, что главой военной миссии при Красной Армии является генерал Гасал, а теперь, по приезде, Гасал сообщил мне устно, что он, собственно, главой миссии не будет, а будет в действительности выполнять функции главнокомандующего всеми нашими тыловыми воинскими формированиями. Я не исключаю, что подобная невыясненность компетенций может нанести вред делу”³⁰. С одной стороны, майское соглашение прямо не предусматривало деятельность Главнокомандующего чехословацкими тыловыми военными формированиями на освобожденной территории, но, с другой – поскольку в обязанности правительственного делегата входило воссоздание чехословацких военных сил, нужен был и соответствующий военный орган для его реализации. Задачи чехословацкой военной миссии сводились соглашением к роли связующего звена между командованием Красной Армии и правительственным делегатом. Видимо, сознавая это невыгодное для себя упущение в составленном им же тексте соглашения, чехословацкое правительство еще в октябре 1944 г. просило Фирлингера и Пику урегулировать с советскими органами вопрос о предполагаемом перемещении на освобожденную территорию ЧСР чехословацкого главного командования во главе с Ингром. Москва сочла постановку этого вопроса несвоевременной³¹. Фирлингер был прав, полагая, что невыясненность компетенций Гасала может повлечь за собой много неприятностей. Так на практике и произошло.

Поскольку Фирлингер не делал никаких демаршей перед советским правительством относительно набора жителей Подкарпатья в Красную Армию, Пика решил сам выяснить этот вопрос. 16 ноября он направил письмо заместителю Уполномоченного СНК СССР по иностранным военным формированиям на территории СССР генерал-майору А.М. Белянову. В нем доказывалась необходимость пополнения понесшего большие потери в боях 1-го Чехословацкого армейского корпуса, участвовавшего в Карпато-Дуклинской операции Красной Армии, для чего правительственный делегат и объявил всеобщую мобилизацию чехословацких граждан в чехословацкую армию. Пика просил освободить чехословацких граждан из частей Красной Армии и передать их в распоряжение чехословацкого военного командования на освобожденной территории (генерала Гасала) и резервного полка корпуса для быстрого пополнения его состава. Мотивировка была аргументированной. Из письма Пики не следовало, что предполагается создать какую-то “тыловую армию”, как потом трактовалось в историографии, не связанную с чехословацким корпусом. Через несколько дней Белянов сообщил, что набор в чехословацкую армию можно будет проводить также в оперативной зоне и что советские военные органы не намерены далее осуществлять этот набор, особенно при вступлении на территорию Словакии³².

³⁰ Ibid., s. 340–341.

³¹ Fierlinger Z. Op cit., s. 387.

³² Československo-sovětské vztahy..., d. 2, s. 348–349, 361.

Однако набор в Красную Армию не прекратился практически до конца 1944 г. Командующий 4-м Украинским фронтом Петров, встретившись с Немцем 15 ноября, в жесткой форме заявил, что считает для себя вопрос решенным, и просил чехословацкого делегата не возвращаться больше к нему. Немец констатировал, что эти действия противоречат чехословацким законам, и поэтому он передает все дело чехословацкому правительству в Лондоне “для его разрешения путем прямых переговоров с Москвой”³³. Отношения между Петровым и правительственным делегатом зашли в тупик. Почему же, несмотря на явно конфликтную ситуацию, набор в Красную Армию продолжался? Ведь было ясно, что эта акция противоречила майскому соглашению и грозила ухудшением советско-чехословацких отношений. В известных документах советского происхождения (партийного и дипломатического характера) утверждается, что мужское население ПР призывного возраста, русские и украинцы, стихийно стремилось вступить в ряды Красной Армии, создавая даже очереди у пунктов набора добровольцев. Советскому командованию, дескать, ничего не оставалось, как пойти навстречу этому движению. Сообщения же в Лондон, направленные тайно членами чехословацкой правительственной делегации, свидетельствовали об ином: набор проводился политработниками советской армии при поддержке коммунистов. По всей вероятности, в действительности имело место и то, и другое, но сегодня трудно (и даже невозможно) установить, какой из этих методов преобладал. Возможно, в начальный период после освобождения и наблюдалось спонтанное стремление вступить в ряды армии-освободительницы, но потом, когда эйфория спала, эти настроения быстро пошли на убыль, тем более что советские войска уже вели бои на территории Словакии. На грани 1944–1945 гг. на территории ПР действовало 520 пунктов набора добровольцев, которые охватывали 640 населенных пунктов края. В ряды советской армии было мобилизовано по некоторым сведениям 15–16 тыс. человек³⁴. Советский маршал А.А. Гречко называет другую цифру – 25 тыс.³⁵

Активную роль в пополнении рядов Красной Армии сыграли коммунисты, которые либо вышли из подполья, либо прибыли из СССР. Они, как правило, возглавляли местные органы власти – народные рады или национальные комитеты, которые в массовом порядке возникали по всей ПР, как на восток, так и на запад от демаркационной линии. Восстанавливались и создавались заново местные организации компартии. “Огромную роль во всей экономической и политической деятельности населения Закарпатской Украины играют коммунисты, – говорилось в материале о политических событиях в Закарпатье осенью 1944 г., подготовленном для руководителя Отдела международных отношений (ОМО) ЦК ВКП(б) Г. Димитрова в январе 1945 г. – Коммунистическая партия является единственной политической партией на территории Закарпатской Украины, которая сохранилась организационно как единое целое. Коммунистическая партия в своей практической работе с первого дня освобождения Закарпатской Украины от немецко-фашистских захватчиков проявила себя как руководящая и организующая сила народного движения за создание новой народной власти. Коммунисты провели повсеместно, где имелись партийные организации, выборы партийных органов – местных, заводских, городских и окружных”³⁶. По существу то же самое говорилось и в документе “Политическое положение в Закарпатской Украине”, направленном в январе 1945 г. Димитрову начальником VII управления Главного Политического управления РККА генералом М.И. Бурцевым: “В качестве организаторов общественного мнения и выразителей желаний народа выступают закарпатские ком-

³³ Zpráva vládního..., s. 142–143.

³⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 764, л. 80; *Vidňanský S., Gajdoš M. Niektoré osobitosti nastolenia totalitného režimu v Zakarpatskej Ukrajině. – Od diktatúry k diktatúre. Slovensko v rokoch 1945–1953. Bratislava, 1995, s. 82.*

³⁵ *Гречко А.А. Визволення Закарпаття. – Героїчне незабутте. Київ, 1965, с. 85.*

³⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 764, л. 80.

мунисты”³⁷. Формулировка была весьма точной: именно коммунисты, политически наиболее активная часть населения, взяли на себя роль “организаторов общественного мнения” и “выразителей желания народа”.

Здесь еще надо отметить роль руководителя советской Украины Н.С. Хрущёва в развитии событий в Закарпатье. В архивах Москвы и Киева, очевидно, существуют документы на этот счет, но автору они, к сожалению, не известны. Однако известно, что КП(б) Украины разделяла вслед за Коминтерном мысль о том, что Закарпатье (Подкарпатская Русь) в основном населена украинцами. А Хрущёв горел желанием объединить всех украинцев в едином государстве УССР. В 1939–1940 гг. ее территория приросла за счет Западной Украины и Северной Буковины (в 1941–1944 гг. она оказалась снова под властью Румынии). Выступая на VI сессии Верховного Совета УССР 1 марта 1944 г., Хрущёв заявил: “Украинский народ будет добиваться завершения великого исторического воссоединения своих украинских земель в едином советском украинском государстве”³⁸. Когда Хрущёв узнал, что ведутся бои в районе Мукачева, то, согласно его воспоминаниям, решил отправиться в штаб 4-го Украинского фронта, чтобы встретиться с его командующим и Мехлисом, с которым был хорошо знаком еще по Москве. “У нас, украинского руководства, – вспоминал Хрущёв, – имелись виды на Закарпатье, потому что там жили украинцы, их родину в старину еще называли Червона Русь”. Когда Мукачево был освобожден, Хрущёв сразу выехал туда, чтобы, по его словам, “разобраться на месте, какой там существует партактив? Какие партии? Каков состав населения?”. О содержании его беседы с И.Е. Петровым и Л.З. Мехлисом сведений у автора нет. Однако можно предположить, что Хрущёв изложил им свою точку зрения на дальнейшую судьбу Закарпатья, которое должно стать частью Украины, и, возможно, просил о помощи в этом деле со стороны военных органов. Несколько позже он посетил освобожденный Ужгород, где познакомился с И.И. Турянницей, он его очень ценил как активного коммуниста, много сделавшего для “вхождения Закарпатской Руси в состав УССР”. “Я его, естественно, подбадривал, – вспоминал Хрущёв, – считая, что его политическая линия правильная”³⁹.

Турянница, сразу переехавший из Хуста в Мукачево, действовал, по сути, независимо от чехословацкой делегации. Оказавшись на территории к западу от демаркационной линии, т.е. в зоне оперативных действий Красной Армии, он развернул здесь бурную деятельность, которая, по всей видимости, поддерживалась советскими военными властями. На митингах и собраниях Турянница перестал говорить о Чехословацкой Республике как государстве трех народов – чехов, словаков и подкарпатских украинцев – и стал на позицию присоединения Закарпатья к СССР (УССР). У автора нет сведений о том, действовал ли Турянница по собственной инициативе или получил инструкции (указания) от кого-то. Скорее всего, второе. Будучи избранным заместителем председателя народного комитета Мукачева, Турянница содействовал восстановлению сети коммунистических организаций в зоне действия Красной Армии и началу издания коммунистической газеты “Закарпатська правда”, хотя основную роль в ее выходе в свет сыграл, по-видимому, Политотдел 18 армии, входившей в 4-й Украинский фронт, и его начальник полковник, затем генерал-майор Л.И. Брежнев. «Коллектив редакции нашей армейской газеты “Знамя Родины”, – вспоминал политработник 18 армии полковник С.С. Пахомов, – помог народному комитету Ужгорода наладить выпуск газеты “Закарпатская правда”, сыгравшей важную роль в мобилизации Закарпатской Украины

³⁷ Там же, л. 41.

³⁸ Хрущёв Н.С. Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи восстановления народного хозяйства Советской Украины. Доклад. – www.proreview.net/moskva/osvobozhdenie-ukrainskikh-zemel-ot-nemeckikh-zakhvatchikov- i ocherednye-zadachi-vosstanovlen?page-0,0

³⁹ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания, в 4-х кн. Ч. 2. Великая Отечественная война. М., 1999, глава “Освобождение Украины”.

на борьбу за воссоединение с Советской Украиной»⁴⁰. 7 ноября повсеместно торжественно отмечалась 27 годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. 12 ноября, в воскресенье, на всей территории ПР, были проведены собрания и митинги, на которых речь шла о присоединении к СССР, и принимались соответствующие резолюции. Перед собравшимися выступали вышедшие из подполья коммунисты, а также советские командиры. «Политработники, пропагандисты вели среди местного населения разъяснительную работу, – вспоминал С.С. Пахомов. – Политотдел армии с этой целью выделил группу пропагандистов, хорошо владевших украинским языком»⁴¹. Немцу стало известно, что Туряница организует в Мукачево созыв съезда народных комитетов на 26 ноября. В связи с этим он направил письмо генералу Петрову, в котором говорилось о нарушении ранее достигнутой договоренности о том, что «за демаркационной линией мы (члены чехословацкой правительственной делегации, а Туряница был ее членом. – В.М.) ничего предпринимать не будем»⁴². Советские военные власти брали на себя, по сути, все функции, связанные с организацией жизни на территории Закарпатья, как на запад, так и на восток от демаркационной линии. Среди гражданских лиц главной их опорой были коммунисты.

19 ноября в зале местного театра города Мукачево состоялась первая конференция Компартии Закарпатской Украины (КПЗУ), на которой присутствовало 294 делегата и 124 гостя. Среди делегатов было 35% рабочих, 50% – крестьян и 15% – представителей трудовой интеллигенции. Конференция приняла резолюцию «О воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной». В ней говорилось о желании и требовании воссоединиться (объединиться) «со своим старшим братом – народом Советской Украины»: «Отныне мы не малый народ, который нуждается в опеке. Мы – составная часть великого украинского народа». Основной задачей КПЗУ в ближайшее время считалась «организация сил народа для окончательного разгрома гитлеровской Германии, уничтожения фашистской тирании и разрешения национальных, культурных и социальных вопросов путем объединения с Советской Украиной». Говорилось о конфискации и бесплатной передаче земли в собственность безземельных и малоземельных крестьян, улучшении условий жизни рабочих, служащих и интеллигенции, гарантировании работы всем трудящимся, открытии школ на основе принципа обязательного бесплатного обучения всех детей на их родном языке, создании Государственного университета Закарпатской Украины и ряда других высших учебных заведений. Конференция обязала все партийные организации развернуть широкую работу по увеличению рядов партии за счет привлечения в нее передовых рабочих, партизан, безземельных и средних крестьян, а также лучших представителей национальной интеллигенции. Намечалось создание организаций трудящейся молодежи и трудящегося крестьянства, восстановление деятельности профсоюзов.

Конференция направила письмо Сталину с благодарностью за освобождение. В нем говорилось о мечте «навсегда слиться с нашими братьями из Советской Украины»: «Только Вы, Иосиф Виссарионович, только украинский и русский народы могут понять наши чувства и наши стремления... Верните нас в лоно нашей матери-родины – Украинской державы. Народ наш вечно будет благодарен Вам за эту помощь». Письмо о желании воссоединиться «с великим украинским народом» было направлено также первому секретарю ЦК КП(б)У Н.С. Хрущёву, который именовался «вождем украинского народа, вождем украинских большевиков». Конференция посылала «братский привет ЦК ВКП(б) и ее гениальному вождю т. Сталину». Это приветствие

⁴⁰ Год 1944-й. Зарницы победного салюта. Очерки. Воспоминания. Документы. Львів, 1979, с. 99.

⁴¹ Там же, с. 98. В августе 1944 г. в составе ГлавПУ РККА было создано Управление спецпропаганды во главе с генералом М.И. Бурцевым, решавшее вопросы работы среди населения освобожденных стран. Основное внимание обращалось на изучение конкретных стран и соответствующих языков. – www.knigonosha.neb/readbook/26245/11

⁴² Zpráva vládního..., s. 145–146.

было доставлено адресату. С ним ознакомились также В.М. Молотов, А.С. Щербаков, Г.М. Маленков⁴³.

На конференции был избран Центральный комитет КПЗУ в составе 24 человек. Его секретарем стал И.И. Туряница, поддерживавший тесные контакты с советскими военными властями. В руководство КПЗУ входили как прибывшие из СССР (УССР), так и местные коммунисты. Что представляли собой эти люди, видно из кратких характеристик, которые были составлены на основе данных, присланных Мехлисом Димитрову в ОМИ ЦК ВКП(б), и личных дел, имевшихся в отделе. Приведем некоторые сведения из этих характеристик, помеченных грифом “совершенно секретно”. Туряница (он же – Туреф И.И.): родился в 1901 г. в Мукачеве, украинец, из рабочих, в 1925–1930 гг. прошел путь от низового парторганика до секретаря областного комитета КПЧ в Ужгороде; в 1930–1933 гг. учился в Коммунистическом институте журналистики в Харькове; в 1933–1939 гг. – секретарь крайкома Красных профсоюзов, член крайкома КПЧ; с 1939 г. – политэмигрант в СССР, офицер политпросвещения в 1-ом Чехословацком армейском корпусе; “имеет большой опыт оргмассовой и руководящей работы, политически развит, теоретически подготовлен, пользуется авторитетом в партийных рядах и популярностью в стране”. Вайс Самуил (он же – Варга Ш., Весели В., Вольф К., Кольбен) родился в 1899 г. в Венгрии, из рабочих, образование высшее, по профессии бухгалтер, состоял ранее в социал-демократической, а затем коммунистической партии Венгрии, с 1921 г. – член ЦК КПЧ; в 1934–1935 гг. учился в Международной ленинской школе, в 1935–1936 гг. – секретарь крайкома Красных профсоюзов в г. Нитра, затем – секретарь крайкома КПЧ в Мукачеве и Ужгороде; с 1939 г. – политэмигрант в СССР, работал на предприятиях в Ворошиловграде и Алма-Ате, затем в НИИ-205 при ОМИ ЦК ВКП(б), откуда осенью 1944 г. был командирован в Закарпатскую Украину, “политически развитый и теоретически подготовленный товарищ, в парторганизации инициативен”. Ледней И.Д. (он же – Оленич Василь), родился в 1904 г. в ЗУ в семье батрака, украинец; в 1930–1934 гг. учился в совпартшколе в Киеве и институте журналистики в Харькове; в 1934–1939 гг. на партийной работе в ЗУ; с 1939 г. – в СССР, с 1941 г. – доброволец в РККА (специальная служба), затем – в чехословацкой воинской части на территории СССР; “политически развитый и теоретически подготовленный товарищ, имеет опыт оргмассовой и руководящей работы в легальных и нелегальных условиях”. Мацканюк М., родился в 1908 г. в ЗУ, украинец, окончил пять классов народной школы и три года (1929–1932 гг.) учился в совпартшколе в Киеве, с 1932 г. – член КПЧ; в 1939 г. приехал в СССР без разрешения партии, за что в марте 1940 г. получил выговор, работал на заводе Ростсельмаш в Ростове-на-Дону, “имеет опыт пропагандистской и оргмассовой работы, теоретически подготовлен”. Климпотюк Н.В. (он же – Тиссин К.В.), родился в 1906 г. в ЗУ, украинец, из рабочих, с 1929 г. – член КПЧ, в 1931–1935 гг. учился в совпартшколе в Киеве и Институте журналистики в Харькове, в 1936–1939 гг. – редактор “Карпатской правды” и секретарь окружкома КПЧ, 1939–1944 гг. – политэмигрант в СССР, “политически развит, теоретически подготовлен, партии предан, имеет опыт работы в легальных и нелегальных условиях”. Совпартшколу в Киеве (1930–1933 гг.) окончили также Тимко А. и Ваш И. В 1926 г. один год в партийной школе в Харькове учился Фушич В., который в 1927 г. возвратился в ЗУ на партийно-политическую работу, а в 1936 г. стал депутатом парламента от КПЧ. В одной справке о нем говорилось: “политически развит, неплохой агитатор и организатор”. В другой значилось: “После перехода партии на нелегальное положение остался в г. Иршава, стал пить и открыто заявлял, что работа партии его больше не интересует. Впоследствии был интернирован венграми”. С 1939 по 1944 г. в СССР находилась Борканюк Ц. (правильно – С. – В.М.), работавшая на различных предприятиях, а в 1943–1944 гг. – в НИИ-205 при ОМИ ЦК ВКП(б). Варга П. (он же – Шалек Р.), член КПЧ с 1921 г., в 1936 г. – член ЦК КПЧ, характеризовался как “поли-

⁴³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 707, л. 17–23; д. 708, л. 38–40; АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 56, д. 765, л. 11.

тически развитый, честный и преданный партии товарищ, имеющий большой опыт работы среди крестьян”. Положительно оценивались и другие члены ЦК КПЗУ: Гандера М., Тараконич Д. (в 1936 г. – секретарь комсомола ЗУ, “инициативный и преданный партии товарищ”), Раточка И., Вакула Ю., Теслович В. (член КПЧ с ее основания), Желизко И., Шимон Я. (“выдержанный коммунист, имеет богатый опыт в партийной работе, но теоретически мало подготовлен”), Пупчак М., Черничко М. (член КПЧ с 1921–1922 гг.)⁴⁴.

Именно эти, в большинстве достаточно подготовленные и преданные идеям коммунизма люди, начали развертывать работу по организации деятельности компартии на территории ПР, проведению агитации и пропаганды за ее присоединение к СССР, созданию народных рад. В справке о политическом положении в ЗУ, составленной старшим инспектором 7 управления ГлавПУ РККА В. Медовым в январе 1945 г., говорилось: “По мере освобождения городов и сел Закарпатской Украины повсеместно создавались городские, районные и сельские народные комитеты. В большинстве случаев они возникали без участия и очень часто вопреки желаниям уполномоченного чехословацкого правительства г-на Немеца. Народные комитеты сразу после их возникновения брали власть в свои руки, устанавливали контакт с представителями советского командования, от которых они получали всяческую помощь и поддержку (подчеркнуто мной. – В.М.)”. Механизм развития событий в Закарпатье осенью 1944 г. обозначен в этом документе предельно точно: коммунисты и советское военное командование. Ознакомившись с документом, Димитров кратко записал поверх текста: “от Ужгорода до Кремля – советская земля. Этот лозунг популярен среди закарпатских украинцев... т.г. Вайс и Турияца создают национальные комитеты, которые выбираются на сходах. В них входят главным образом коммунисты”⁴⁵. Хотя точных данных на этот счет нет, но надо полагать, что народные рады и возглавлялись в большинстве своем коммунистами. “Движение народных масс за создание своей народной власти, – говорилось в справке, составленной 9 января 1945 г. сотрудником ОМИ ЦК ВКП(б) И. Медведевым для Г. Димитрова, – повсюду возглавляли коммунисты, получившие возможность в легальных условиях развернуть активную политическую деятельность”⁴⁶. Под руководством коммунистов и поддержке советских военных властей и начало развертываться движение, именуемое в советских документах как стихийное, за присоединение ПР к Советскому Союзу, Советской Украине. Активно занялась пропагандой этой идеи и ежедневная коммунистическая газета “Закарпатська правда” (редактор – вышеупомянутый Климпотюк), тираж которой составлял в конце ноября 1944 г. 8 тыс. экземпляров. О пропагандистской деятельности газеты свидетельствует, в частности, и подборка статей из нее за ноябрь–декабрь 1944 г., присланная в ОМИ ЦК ВКП(б)⁴⁷.

Адресованные Сталину пространные телеграммы с просьбами населения о присоединении Закарпатья к СССР (УССР) передавались органами советской военной администрации в Отдел внешних сношений НКО СССР, откуда в конце ноября 1944 г. поступили в НКВД СССР. Тексты принятых резолюций по сути были одинаковыми, но по форме разными. Это свидетельствует о том, что писались они не под копирку. Вот некоторые места, откуда поступали телеграммы: народный совет села Золотарево (12.11.44, 60 подписей), собрание в г. Волове (19.11.44, 70 подписей), митинг крестьян села Сеневири Воловецкого округа (226 подписей), петиция граждан села Горяны (“хотим строить свою жизнь и свое счастье под Вашим отцовским руководством”, 17.11.44, 48 подписей), село Королева над Тиссой (“Мы все, как один, просим, чтобы нас великий советский народ взял под свою опеку и принял нас, закарпатских украинцев, в состав Советского Союза, потому что считаем себя украинцами и русскими,

⁴⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 764, л. 100–109, 118, 121, 130.

⁴⁵ Там же, д. 708, л. 29об.

⁴⁶ Там же, д. 764, л. 44, 80.

⁴⁷ Там же, д. 707, л. 74–90.

а не чехами”. 25.11.44, 147 подписей), представители народного комитета Тячевского округа (19.11.44, 366 подписей), жители села Голубино Свалявского округа (19.11.44, 371 подпись) и т.д.⁴⁸ Можно ли из этих и других подобных материалов сделать вывод, что подавляющее большинство населения ЗУ, выступало за присоединение края к УССР? Следует заметить, что никто никогда не подсчитывал, какую часть от общего числа дееспособного населения Закарпатья составляли поставившие свою подпись. Историк Закарпатья И.И. Поп, например, считал, что по данному вопросу его население разделилось на три неравные группы: последовательные сторонники присоединения, пассивные противники и индифферентные⁴⁹. К сожалению, он не уточнил, как конкретно выглядело это неравенство. Историки С. Виднянский (Киев) и М. Гайдош (Прешов, Словакия) отмечали дискуссионность вопроса о том, было ли движение за присоединение ЗУ к УССР действительно массовым или лишь одним из политических направлений, не охватывавшим даже трети политически активного населения⁵⁰. Думается, что дать достоверный ответ на этот вопрос пока чрезвычайно трудно, а, может, и невозможно.

На собраниях и митингах, принимавших резолюции о присоединении ПР (ЗУ) к СССР, одновременно выносились решения о ее выходе из состава Чехословакии. Так, например, на общем городском собрании жителей Ужгорода было принято обращение к Бенешу (письмо на русском языке опубликовала газета “Закарпатська Україна” 15 ноября 1944 г.), в котором наряду с сердечным приветом и наилучшими пожеланиями содержалась просьба помочь осуществить единую волю закарпато-украинского народа воссоединиться с Советской Украиной⁵¹. 25 ноября Бенеш получил отправленные открытым текстом телеграммы жителей двух населенных пунктов ПР с просьбой поддержать ее присоединение к Украине. «Ни на что я отвечать не буду, и наши органы пусть тоже не отвечают, – сообщил Бенеш свою позицию Фирлингеру в тот же день. – Все это будет обсуждаться между нами на мирной конференции. Пока же существует обязательство относительно домюнхенских границ. Я только удивляюсь тому, что советская цензура эти депеши пропустила с “украинского фронта”. У британской цензуры они уже также имеются, и я ожидаю, что, как только это здесь станет необходимым, это будет использовано. Мы публично обо всех этих вещах будем хранить молчание»⁵². Одновременно с движением за присоединение ПР к УССР в Закарпатье началась античешская, античехословацкая кампания, подхваченная в печати. 18 декабря 1944 г. Димитров получил подборку материалов, в том числе и из газеты “Закарпатська Україна”, о резких выпадах против чехословацкого правительства и его делегата на освобожденной территории⁵³. В обобщающих материалах о событиях в Закарпатье, подготовленных для ОМИ ЦК ВКП(б) в марте 1945 г., по этому поводу говорилось: “В первый период, до съезда народных комитетов... население Закарпатской Украины не проявляло недружелюбного отношения к Чехословакии. Однако явно не было и никакого сотрудничества с чехословацкой правительственной делегацией”⁵⁴. Античехословацкие настроения подогревались главным образом в печати, по всей видимости, искусственно. Говоря современным языком, была развернута мощная “пиар-кампания” против сохранения Подкарпатской Руси в составе восстановленной Чехословацкой Республики.

26 ноября 1944 г. в Мукачево состоялся съезд Народных комитетов Закарпатской Украины (НКЗУ). В его подготовке, как подготовке и других важных политических ме-

⁴⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 56, д. 765, л. 11–27.

⁴⁹ Поп И.И. Указ. соч., с. 149.

⁵⁰ Vidňanský S., Gajdoš M. Op. cit., s. 80.

⁵¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 707, л. 66.

⁵² Československo-sovětské vztahy..., d. 2, s. 353–355.

⁵³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 707, л. 55–62. См. подробнее: Марьина В.В. Закарпатская Украина..., с. 81–82.

⁵⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 764, л. 203, 206.

роприятий Закарпатья – 1 съезда КПЗУ, состоявшихся позже первых съездов комсомола и профсоюзов ЗУ, – принимали участие политработники 18 армии: они, по словам С.С. Пахомова, “помогали местным товарищам подготовить проекты важнейших документов и решений”⁵⁵. В работе съезда НКЗУ участвовало 663 делегата. У автора нет данных о том, как выбирались делегаты съезда и проходили ли выборы вообще, как шла работа самого форума. Делегаты съезда были единодушны в своем мнении видеть Закарпатскую Украину в составе СССР. Многие выступления содержали античешские, античехословацкие выпады, что подчеркивалось затем и коммунистической прессой, в частности газетой “Закарпатська правда”⁵⁶. Съезд принял постановление, гласящее: «1. Воссоединить Закарпатскую Украину со своей великой матерью Советской Украиной. 2. Просить Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики и Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик включить (в последующих публикациях документа это слово было заменено на слово “принять”. – В.М.) Закарпатскую Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики. 3. Избрать Народную Раду (в дальнейших публикациях – Народный Совет. – В.М.) как единственную центральную власть, действующую по воле народа на территории Закарпатской Украины. 4. Уполномочить и обязать (слово “обязать” в дальнейших публикациях исключено. – В.М.) Народную Раду Закарпатской Украины осуществить постановление съезда о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине»⁵⁷. Это постановление, принятое единогласно, было затем включено в Манифест съезда, который отправил приветствия маршалу Сталину, Красной Армии, президиуму Верховного Совета УССР (М.С. Гречухе), Совету народных комиссаров УССР (Н.С. Хрущёву). С манифестом, судя по материалам, направленным Димитрову, было ознaчено все взрослое население ЗУ. К 1 января 1945 г. его подписало более четверти миллиона человек⁵⁸, т.е. 50% всего взрослого населения края.

Съезд избрал Народную Раду Закарпатской Украины (НРЗУ), из 17 членов которой 10 являлись коммунистами. Председателем рады стал Туряница, он же – секретарь КПЗУ. Его заместителями были П. Сова, юрист по образованию, председатель Ужгородского народного комитета, недавно принятый в ряды компартии, и тоже молодой коммунист профессор П. Линтур, окончивший Пражский университет, преподаватель богословия и литературы, в прошлом – член комсомола Чехословакии, в 1944 г. – узник концлагеря, после освобождения – член Хустского городского народного комитета. Таким образом, председатель НРЗУ и два его заместителя были коммунистами, которые получили и важнейшие посты: внутренних дел и государственной безопасности (И. Ваш, прибывший вместе с Туряницей в ПР офицер просвещения 1-го Чехословацкого армейского корпуса), сельского хозяйства (Д. Тарахонич), промышленности и торговли (С. Вайс), просвещения (И. Керча), коммунального хозяйства (П. Сова); двое без портфелей (В. Теслович и С. Борканюк). Остальные посты занимали формально беспартийные, либо состоявшие в компартии в прошлом, либо сочувствовавшие ей, либо готовые вступить в ее ряды, но не принятые из тактических соображений. Например, о священнике православной церкви И. Кополовиче, возглавившем комиссию по расследованию зверств оккупантов, в характеристике, представленной на него, как и на всех прочих членов НРЗУ, в ОМИ ЦК ВКП(б), говорилось: “Работает очень активно. Добивается приема в ряды компартии, пока не принят из тех соображений, что ему временно лучше выступать как беспартийному в составе Народной Рады”⁵⁹.

⁵⁵ Год 1944-й..., с. 99.

⁵⁶ Zpráva vládního..., s. 170–172. См. подробнее: *Марына В.В.* Закарпатская Украина..., с. 83.

⁵⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 708, л. 44; Документы и материалы..., т. 4, кн. 2, с. 240–242.

⁵⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 708, л. 45–49; Cesta ke Květnu, sv. I-2, s. 463.

⁵⁹ Характеристики см.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 708, л. 52–57. Краткие биографии см.: *Пон И.И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001.

НРЗУ официально довела до сведения командующего 4-м Украинским фронтом генерала армии И.Е. Петрова о состоявшемся в Мукачево съезде и принятых им решениях, хотя, несомненно, ему обо всем этом было известно заранее: в противном случае проведение съезда было бы запрещено. “Народная Рада Закарпатской Украины, – говорилось в письме, – являясь единой и законной центральной властью Закарпатской Украины, просит за всеми вопросами, которые касаются Закарпатской Украины, обращаться только к нам по адресу: Мукачево, ул. 26-го Октября, № 51”⁶⁰. В подробной телеграмме от 28 ноября 1944 г. Ф. Немец информировал свое правительство о ходе мукачевского съезда и принятых им решениях. Отношения делегации с советскими военными властями оставались напряженными. Нарастал ее конфликт и с НРЗУ. 1 декабря Немец получил с нарочным письмо, подписанное Туряницей и датированное 30 ноября 1944 г. В нем Народная Рада предлагала чехословацкому правительственному делегату, а также всему его гражданскому и военному аппарату в трехдневный срок покинуть территорию Закарпатской Украины. “В случае неподчинения нашему категорическому решению и нашему требованию, – говорилось в письме, – мы вынуждены будем предпринять дальнейшие шаги, со всеми для Вас из этого вытекающими последствиями”⁶¹. 2 декабря Немец отправил ответ Народной Раде, выразив желание сотрудничать с ней по всем практическим вопросам экономического и социального характера, исключая политический вопрос о государственном положении Карпатской Украины, который, по его словам, может быть решен лишь чехословацким правительством. 3 декабря по настоятельной просьбе Немца состоялась его встреча с генералом Петровым и Мехлисом. Демонстрируя свою непричастность к случившемуся, они заявили, что для них само собой разумеющимся и единственным лицом, с которым они намерены вести переговоры, остается чехословацкий правительственный делегат, и это его дело, как он урегулирует отношения с местными властями⁶². После этой встречи Немец снова попытался наладить отношения с Народной Радой в целях решения некоторых практических вопросов организации жизни на освобожденной территории. Но из этого ничего не вышло. Туряница отверг сотрудничество, заявив, что все важные вопросы они будут решать сами. 5 декабря НРЗУ приняла постановление о прекращении связей народных комитетов Закарпатской Украины с уполномоченным правительства Чехословацкой Республики Немцем и его гражданским и военным аппаратом, находившемся в Хусте. Комитетам предписывалось “исполнять указания исключительно Народной Рады и поддерживать правительственный контакт только с нею”. Вместе с тем 6 декабря она направила Немцу письмо, в котором просила немедленно переслать президенту Чехословацкой Республики Бенешу приложенное послание. В нем до сведения президента доводился принятый на съезде народных комитетов Манифест о “воссоединении” ЗУ с Советской Украиной и выходе ЗУ из состава Чехословацкой Республики. В обращении выражалась надежда, что президент не будет “противиться исполнению вековой мечты нашего украинского народа – соединению со своей матерью – Советской Украиной” и даст скорейшее указание “правительственному делегату Чехословацкой Республики г-ну Немцу об отъезде с территории Закарпатской Украины”⁶³.

7 декабря 1944 г. Немец сообщил Народной Раде, что ее послание президенту отправлено в Лондон. Вместе с тем он обращал внимание рады на то, что как глава правительственной делегации он обязан выполнять законы и конституцию Чехословацкой Республики. Ссылаясь на советско-чехословацкое соглашение от 8 мая 1944 г., а также на беседу с Петровым и Мехлисом 3 декабря, Немец подчеркивал, что советские военные власти будут “со всеми своими желаниями и нуждами обращаться

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 708, л. 80.

⁶¹ Zpráva vládního..., s. 173–174.

⁶² Ibid., s. 177–178.

⁶³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 708, л. 58–70, 77–79; Документы и материалы..., т. 4, кн. 2, с. 247.

исключительно к правительственному делегату, который готов сотрудничать с радой в целях их выполнения”⁶⁴. Но НРЗУ уже полностью взяла инициативу в свои руки. Вскоре после съезда она издала декреты о государственном гимне и государственном флаге ЗУ: ими стали гимн и флаг Советского Союза. На флаге был написан лозунг “Да здравствует воссоединение Закарпатской Украины с Советской Украиной!”. По постановлению рады каждый номер газеты, выходящий в ЗУ, должен был иметь над заголовком тот же лозунг⁶⁵. Постановлением НРЗУ от 5 декабря 1944 г. в качестве ее местопребывания определялся Ужгород. До конца 1944 г. рада приняла ряд важных декретов и постановлений, касавшихся как организации жизни на территории ЗУ, так и отношений с чехословацким правительством и его делегатом⁶⁶. 9 декабря 1944 г. за подписями Турияны и Ваша был издан декрет “О запрещении мобилизации в чехословацкую армию и разрешении вербовки добровольцев в Красную Армию”. Декрет вступал в силу со дня принятия, за его проведение в жизнь отвечал уполномоченный НРЗУ по делам государственной безопасности. Кроме того, был принят декрет об организации добровольных народных дружин и их центрального штаба. Членам дружин предлагалось без отрыва от своей основной работы с оружием в руках “защищать население Закарпатской Украины от нападения внешних и внутренних врагов”. Все народные дружинники обязаны были торжественно присягнуть “на верность Родине, Народной Раде Закарпатской Украины и Манифесту о воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной”. Народной милицией и народными дружинами руководил герой Советского Союза бывший партизанский командир коммунист Тканко.

Декретом от 18 декабря 1944 г. создавался Специальный суд НРЗУ “для борьбы с врагами нашего народа”. Суд, который действовал на всей территории ЗУ, формально избирался Народной Радой и имел очень широкие полномочия. До издания уголовных, уголовно-процессуальных и других законов суд руководствовался “своим правосознанием и внутренним убеждением, которые основываются на интересах обеспечения независимости власти (НРЗУ. – В.М.) и личных прав граждан”. Такая формулировка давала возможность произвола и принятия судом субъективных решений, особенно, учитывая, что ему был подвластен чрезвычайно широкий круг дел (всех “преступных злодеяний, рассмотрение которых в Специальном суде будет признано необходимым”)⁶⁷. В качестве меры наказания суд имел право применять тюремное заключение сроком на 10 лет и расстрел с конфискацией имущества. Приговоры суда выносились именем НРЗУ и не подлежали отмене. Приговоры о расстреле должны были подтверждаться Народной Радой. Декрет вступал в силу со дня опубликования 18 декабря 1944 г.

Однако другие мероприятия, иницилируемые коммунистами, наоборот вербовали им новых союзников. Например, сразу стал реализовываться очень актуальный для малоимущих слоев деревни декрет о земле, полным ходом шла национализация производства. В собственность государства перешли все банки: был создан Народный банк Закарпатской Украины⁶⁸. Эти, проведенные в сжатые сроки и еще до официального присоединения ПР к СССР, преобразования являлись первым этапом на пути ее включения в систему социалистического хозяйства. Процесс советизации ЗУ начался практически с первых дней вступления Красной Армии на эту территорию. “Политика Народной Рады, коммунистических деятелей Закарпатской Украины, – говорилось в вышеупомянутом материале, направленном Бурцевым Димитрову, – ориентируется на Киев, на Москву, Советский Союз они считают своей родиной”⁶⁹.

⁶⁴ Zpráva vládního..., s. 181.

⁶⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 49, л. 114об.

⁶⁶ См. подробнее: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина..., с. 88.

⁶⁷ Там же, с. 90–91.

⁶⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 765, л. 83, 100–101.

⁶⁹ Там же, д. 764, л. 52.

Что касается находившихся в Москве чешских и словацких коммунистов, то их взгляды на события в Закарпатье осенью 1944 г. претерпели существенную эволюцию. Поддерживая сначала идею восстановления Чехословакии как государства трех народов: чехов, словаков и карпато-украинцев, Загранбюро КПЧ затем отказалось от нее и высказалось за включение ПР в состав СССР. Но путь от первого ко второму отмечен и колебаниями, и недопониманием происходившего⁷⁰. Находившиеся в Москве чехословацкие коммунисты, по всей видимости, сначала действительно не понимали смысла происходивших в Закарпатье событий, поскольку поступающая оттуда информация была чрезвычайно скудна и отрывочна. 19 ноября 1944 г. руководитель заграничного центра КПЧ К. Готвальд получил телеграмму офицера по просветительной работе 1-го Чехословацкого армейского корпуса штабс-капитана Я. Прохазки, который сообщал, что “карпато-украинский народ выражал за присоединение к СССР” и высказывал мнение о необходимости поддержать это требование. 21 ноября Готвальд подготовил проект ответа на эту телеграмму, в котором о позиции ЦК КПЧ говорилось следующее: “1. В настоящих условиях необходимо сосредоточить все усилия на борьбе против немецких захватчиков. Постановка вопроса о присоединении Закарпатской Украины к СССР в настоящее время могла бы лишь ослабить усилия чехословацкого народа и нанести вред общему делу. 2. Не выступая против желания закарпатских украинцев о присоединении Закарпатской Украины к СССР, ЦК КПЧ в то же время считает, что вопрос о плебисците может быть поставлен лишь только после окончания войны”. Димитров, согласившийся с мнением Готвальда, просил Молотова дать санкции на посылку этого ответа Прохазке⁷¹. Реакция Молотова на обращение Димитрова не известна. Однако через два дня после этого Димитров записал в своем дневнике: “Заслушал сообщение майора Медова (ПУР) о Закарпатской Украине. Рекомендовал чешским товарищам отнестись положительно к движению за присоединение Закарпатской Украины к Советскому Союзу”⁷². Ситуация, сложившаяся к этому времени в Закарпатье, безусловно, известная Молотову, делала посылку телеграммы неактуальной.

Но еще ранее Загранбюро КПЧ само решило выяснить, что происходит в ПР. С этой целью туда 14 ноября был направлен Й. Кроснарж, прибывший в Ужгород 21 ноября. Судя по его отчету о поездке, Кроснарж общался с кем-то из представителей командования фронта, скорее всего с Мехлисом, и получил представление о позиции советских военных относительно событий в ЗУ. С Немцем он встретился только 23 ноября. Беседовал он, по всей видимости, также с Туряницей и Вайсом. Оценивая политику и деятельность компартии, Кроснарж писал в отчете о поездке: “Руководство компартии, главным образом тов. Туряница и Вайс, до конца октября придерживалось той линии, что Закарпатская Украина остается в рамках новой демократической Чехословацкой Республики, и на территории Закарпатской Украины будет распоряжаться и управлять украинский народ. Но уже в начале ноября, если они не хотели отстать от массового движения всего народа, они были вынуждены изменить свою линию и встать во главе всего народа на борьбу за присоединение к Советскому Союзу... Вся Закарпатская Украина, освобожденная Красной Армией от немецко-мадьярских оккупантов, охвачена великой любовью к Красной Армии, Советскому Союзу и товарищу Сталину”. Кроснарж пришел к заключению, что идея сохранения ПР в составе восстановленной ЧСР не реальна⁷³.

Загранбюро КПЧ пересмотрело свой взгляд на события в ПР. Об этом свидетельствует директива коммунистам 1-го Чехословацкого армейского корпуса, направленная 21 декабря 1944 г. на имя Прохазки: “Мы отстаиваем ту точку зрения, что с чехословац-

⁷⁰ См. подробнее: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина..., с. 95–101.

⁷¹ Коминтерн и вторая мировая война, ч. 2. М., 1998, с. 476–478; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. М. – Новосибирск, 1997, с. 100.

⁷² Георги Димитров. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997, с. 449.

⁷³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 707, л. 1, 4, 5, 8, 9.

кой стороны не только не может быть учинено малейшее препятствие осуществлению воли закарпатского народа, но что президент республики д-р Бенеш и чехословацкое правительство по собственной инициативе должны сделать значительный шаг и безотлагательно предложить гладкое проведение присоединения Закарпатской Украины к Советскому Союзу. Мы того мнения, что правительственная делегация уже не может никоим образом вмешиваться в деятельность верховной власти, Народной Рады Закарпатской Украины... Мы, как КПЧ, уже полностью принимаем к сведению, что Коммунистическая партия Закарпатской Украины от нашей партии отделилась и стала самостоятельной”⁷⁴. Коммунистам 1-го Чехословацкого армейского корпуса рекомендовалось полностью “приспособиться к нашей позиции в вопросе о Закарпатской Украине” и не противиться в случае, если возникнет такая необходимость, переводу закарпатских бойцов в ряды Красной Армии. Что касается “основной политической линии”, то утверждалось: “Ясно, что и далее нашей программой остается свободная, демократическая Чехословакия, причем чехословацкая линия сегодня относится только к словацким и чешским землям”⁷⁵.

Между тем конфликт между чехословацкой правительственной делегацией и командованием 4-го Украинского фронта обострился. Какой-либо компромисс казался невозможным. По выражению Фирлингера, “делегация и Петров вцепились друг другу в волосы”. Бенеш выступал за “спокойное и аргументированное” разрешение конфликта, однако требовал от Фирлингера и Немеца настойчивости в отстаивании принципиальных позиций чехословацкого правительства относительно присоединения Карпатской Украины к СССР и набора добровольцев в Красную Армию⁷⁶. Но практически вопрос был уже решен: после создания НРЗУ чехословацкая правительственная делегация фактически не имела возможности продолжать свою деятельность на территории ПР даже к востоку от демаркационной линии. Конфронтация с местными властями достигла высшей степени. Бенеш находился в смятении. 9 декабря Таборский зафиксировал в своем дневнике неофициальную реакцию президента на полученные сообщения: “Президент всем этим весьма озабочен, смотрит на это примерно так: украинский национализм перехлестывает через голову Москвы... Нет иного объяснения, чем то, что украинский национализм несколько отбил от рук Москвы... это происходит без согласия Москвы. Когда мы были в прошлом году в Москве, я наблюдал, что Сталин был несколько обеспокоен опасностью украинского национализма”⁷⁷. Возможно, Бенеш был отчасти прав. Хрущёв как глава Советской Украины был особенно заинтересован в присоединении к ней Закарпатья. Но, зная партийно-государственную субординацию, присущую советской системе, трудно представить, чтобы “хозяин” Украины мог осуществлять политический нажим на “главного хозяина”, Сталина. Нет оснований полагать, что о событиях на освобожденной территории Закарпатья не были осведомлены Кремль и Сталин. Также трудно вообразить, чтобы советские военные власти в Закарпатье действовали вопреки его воле: ведь вопрос лежал не в военной, а в политической плоскости, и тут слово Сталина, как, впрочем, и везде, было законом. Но советский лидер пока предпочитал роль “стороннего наблюдателя”, выжидая дальнейшего развития событий в Закарпатье и реакции на них со стороны чехословацкого правительства и мировой общественности.

12 декабря Бенеш отправил инструкцию Немецу, в которой всю вину за события в Закарпатье возлагал на украинское правительство вообще, и особенно на военных и коммунистов: “Нельзя забывать, что украинский национализм есть и будет всесторонне опасен, и Москва должна с этим считаться; так, по крайней мере, я вижу это сейчас”. Бенеш советовал Немецу вести себя следующим образом: “пусть происходит,

⁷⁴ Решением ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1945 г. КПЗУ была ликвидирована и превращена в обычную областную партийную организацию. – *Пон И.И.* Энциклопедия..., с. 217.

⁷⁵ *Cesta ke Květnu*, sv. I-1, s. 470–471.

⁷⁶ *Československo-sovětské vztahy...*, d. 2, s. 351, 360.

⁷⁷ *Ibid.*, s. 370.

что происходит; мы будем держаться договора и требовать от Москвы его осуществления, мы ни от чего не откажемся и от своих прав не отступимся”⁷⁸. Но в это время Немеца уже не было в Закарпатье. Он прибыл в Москву, чтобы обсудить с советским руководством создавшуюся ситуацию, а затем возвратиться в Хуст, где оставалась основная часть делегации. Советскую позицию, со слов Зорина, с которым встречались Фирлингер и Немец, посол, сообщая в Лондон, определил так: “Для них, дескать, затруднительно вмешиваться в наши внутренние дела. Мы должны урегулировать их сами. Советские органы до сих пор выполняли договор, и нет причин, по которым они должны были бы вмешиваться в наши отношения с национальными комитетами”⁷⁹. Эту позицию Москвы, по сути, Зорин формулировал так четко впервые. Она состояла в следующем: мы согласны, что события в ПР – не наше дело, мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, разбирайтесь с ними, как хотите. Деша Фирлингера о беседе с Зориным страшно раздосадовала Бенеша⁸⁰, но он предпочел сдержанную реакцию. В своем “личном ответе” Немецу и Фирлингеру 22 декабря 1944 г. он подтверждал, что “события на Подкарпатье являются нашим внутренним делом и следует действовать так, чтобы это не коснулось нашего отношения к Советскому Союзу”. Вместе с тем президент снова повторял, что в вопросе государственно-правовой принадлежности этой области “мы настаиваем на договоре и на официальных советских и наших декларациях о домюнхенских границах”. Поэтому президент не собирался отвечать на какие-либо декларации и призывы народных комитетов и НРЗУ из Ужгорода. Поскольку ясно было, что в связи с перемещением фронта на Запад делегация в скором времени переедет в Словакию, президент советовал “уточнить наши права и наши обязанности при передаче и принятии территории”. Он выражал искреннее желание, чтобы конфликтной ситуации в ПР “был положен конец”⁸¹. Бенеш явно шел на компромисс в частных вопросах, настаивая, по его мнению, на главном: до окончания войны ПР должна формально оставаться составной частью восстановленной Чехословакии.

А Немец между тем ожидал обещанной Зориным встречи с Вышинским, который, согласно официальной версии, был болен. Она состоялась 27 декабря. Фирлингер и Немец заявили, что “вопрос о присоединении Закарпатской Украины к УССР может быть решен таким образом”, чтобы ни в коей мере не ослабить “существующую дружбу между Чехословакией и СССР”. Вышинский отреагировал так: “К теперешнему народному движению в Закарпатской Украине по воссоединению с УССР следует относиться как к объективному историческому факту, отражающему вековые чаяния народных масс Закарпатской Украины... мы не можем, разумеется, помешать населению Закарпатской Украины выражать свои чувства, желания и чаяния... Споры же внутреннего порядка должны решать сами чехословаки”. Немец в ответ заявил, что и с чехословацкой стороны не было никаких попыток тормозить движение, что делегация имела в виду только свои конкретные задачи и всегда готова была к сотрудничеству с народными комитетами. Подводя итог первой части разговора, Фирлингер, по его словам, констатировал, что точки зрения обоих правительств идентичны: “Президент Бенеш и его правительство не могут допустить изменения государственно-правового статуса Подкарпатья, тем не менее между нами существует договор, что этот вопрос будет решен так, как это отвечает нашему тесному дружественному союзу с СССР, который мы хотим еще более укрепить”⁸².

В тот же день, 27 декабря, Фирлингера и Немеца принял Молотов. О содержании беседы в двух пространных телеграммах в Лондон сообщил Фирлингер 28 декабря. Посол предложил найти какое-нибудь временное решение, которое пока не касалось

⁷⁸ Ibid., s. 376–377.

⁷⁹ Ibid., s. 384.

⁸⁰ Ibid., s. 384–385.

⁸¹ Ibid., s. 391–394.

⁸² АВП РФ, ф. 0138а, оп. 25в, п. 154, д. 5, л. 38–41; Československo-sovětské vztahy..., d. 2, s. 406–407. О встрече см. подробнее: *Марына В.В.* Закарпатская Украина..., с. 114–117.

бы государственно-правового положения этой области. На проблему Подкарпатья, писал Фирлингер, Молотов “смотрит, как на дело, в принципе решенное ходом событий... Тем не менее советское правительство уважает существование договора и желание президента и правительства, чтобы вопрос остался открытым до того момента, когда об этом можно будет вести переговоры. Подчиняется оно этому пожеланию по собственной охоте или только от растерянности, сказать трудно”⁸³. 30 декабря Бенеш телеграфировал Фирлингеру, что удовлетворен ясностью в том, что вопрос о государственно-правовой принадлежности Подкарпатской Руси пока отложен и решается в данный момент дружески, “не задев добрых отношений обоих государств”. Этот вопрос, полагал Бенеш, мог бы быть уточнен во время его поездки через Москву на освобожденную территорию ЧСР. Встретившись 1 января 1945 г. в Лондоне с советским дипломатом И.А. Чичаевым, президент выразил свою удовлетворенность позицией Москвы и ее желанием отложить пока вопрос о Подкарпатье. “На своем пути на родину, – заявил он, – я поеду через Москву и обговорю все дело со Сталиным и Молотовым”⁸⁴.

По возвращении Немеца в Закарпатье стал решаться вопрос о перемещении чехословацкой правительственной делегации на освобожденную территорию Словакии. 25 января 1945 г. Ставка Верховного Главнокомандования, следуя указанию ГКО, приказала Военному Совету 4-го Украинского фронта разрешить Немецу “переезд в один из городов Словакии по его усмотрению”. Ему позволялось “иметь своего представителя в Ужгороде для Закарпатской Украины”, которому, согласно приказу, обеспечивалось “содействие со стороны Военного Совета 4-го Украинского фронта”. Было приказано “в дальнейшем оказывать содействие г-ну Немецу и в случае каких-либо недоразумений немедленно адресоваться в Государственный Комитет Оборон”. Приказ подписали Сталин и Антонов⁸⁵. В Ужгороде с согласия НРЗУ в качестве представителя чехословацкой администрации остался член Государственного совета в Лондоне, дополнительно введенный в состав чехословацкой правительственной делегации, коммунист И. Петрушак вместе с небольшим аппаратом гражданских и военных чиновников⁸⁶. Резиденцией правительственного делегата в Восточной Словакии стал город Кошице, 19 января освобожденный Красной Армией. В Кошице и приезжал Петрушак, чтобы решать с Немецом некоторые текущие вопросы⁸⁷.

События в Закарпатье между тем получили международный резонанс. Англию и США интересовали прежде всего намерения СССР относительно этой стратегически важной области, после инкорпорации которой Советский Союз, как уже говорилось, получал выход в Центральную Европу. В Москве внимательно следили за тем, как освещаются в мире события в Закарпатье. Об этом свидетельствовали, в частности, обзоры иностранной прессы, подготовленные для ОМИ ЦК ВКП(б)⁸⁸. Шумиха вокруг вопроса о ЗУ развернулась в западной прессе примерно в середине января 1945 г. Таборский записал по этому поводу в своем дневнике 26 января: “От наших дипломатических представителей в мире постоянно приходят сообщения о том, какой неблагоприятный отзвук всюду вызвали советские действия в Подкарпатской Руси. Статьи и радиокomentarии, неблагоприятные для СССР, появляются повсюду. Некоторые комментаторы усматривают в этом проявление далеко идущих экспансионистских устремлений России и ее неискренность по отношению к своему верному союзнику. Это – как раз то, о чем президент предупреждал”⁸⁹.

⁸³ Československo-sovětské vztahy..., d. 2, s. 409–410.

⁸⁴ Ibid., s. 421, 428.

⁸⁵ Русский архив, т. 14-3(2), с. 518–519.

⁸⁶ АВП РФ, ф. 0138а, оп. 26, п. 133, д. 11, л. 25, 38, 70.

⁸⁷ Там же, л. 102, 102об.

⁸⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 764, л. 207–218. См. подробнее: *Марына В.В.* Закарпатская Украина..., с. 124–129.

⁸⁹ Československo-sovětské vztahy..., d. 2, s. 465.

Сталин, который, несомненно, был в курсе реакции мирового сообщества на события в Закарпатье, решил отреагировать на это. 23 января 1945 г. Готвальд был приглашен на встречу с Молотовым. На беседе, с ее середины, присутствовал и Сталин. Согласно словам Готвальда, советские руководители “хотели быть лучше информированы о событиях в Подкарпатье и, особенно, о том, как эти события понимаются чехословацкой стороной”. Сталин интересовался, не осуществляется ли там давление на Немеца со стороны украинцев, и, по словам Готвальда, согласился, что “действительно с этой стороны было много неприятностей”. Как бы извиняясь, советский лидер заявил, что в ЗУ было много людей, которые слишком рьяно взялись за дело, и что виновные будут привлечены к ответственности. Готвальд, по его словам, рассказал Сталину о мукачевском меморандуме, о чем, дескать, Сталин не знал. Он обещал содействовать тому, чтобы чехословацкая правительственная делегация как можно быстрее перебралась на территорию Словакии (приказ Ставки последовал 25 января). Вместе с тем Сталин объяснял действия командования Красной Армии в Закарпатье, а затем в Словакии обстановкой военного времени. В условиях, когда “на всем протяжении фронта от Балтики до Дравы ведутся тяжелые бои, о которых на Западе и понятия не имеют”, – сказал он, – существование “какой бы то ни было абсолютно свободной зоны в ближайшем тылу, в которой могли бы функционировать различные трудно контролируемые иностранные органы, проблема – чрезвычайно деликатная; какое-либо легкомыслие в этом плане может иметь тяжелые последствия”⁹⁰. В этом Сталин, безусловно, был прав. Тут же, в присутствии Готвальда, он продиктовал послание Бенешу, в котором сформулировал советскую позицию в отношении Закарпатья.

24 января Фирлингер был приглашен к Молотову, который поставил его в известность о беседе с Готвальдом и передал письменный текст послания Сталина Бенешу, сказав, что он будет вручен президенту в Лондоне Чичаевым. На вопрос Фирлингера, может ли быть письмо Сталина использовано открыто, Молотов ответил утвердительно, подчеркнув, что “это, наоборот, будет хорошо”⁹¹. Позже выяснилось, что Бенеш почему-то не счел нужным ознакомить с содержанием письма даже многих людей из своего ближайшего окружения. 25 января Чичаев вручил Бенешу послание Сталина. В нем говорилось: “Сегодня я узнал от товарища Готвальда, что Чехословацкое правительство испытывает неловкость в связи с событиями в Закарпатской Украине, полагая, что Советское правительство думает односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине вопреки договору между нашими странами”. Сталин считал, что такое предположение основано на недоразумении. “Советское правительство, – писал он, – не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу, при этом, как Вы должно быть помните, я не дал тогда на это своего согласия”. Сталин расценивал как оскорбительное для советского правительства предположение о том, что оно намерено нарушить советско-чехословацкий договор. Вопрос о Закарпатской Украине, поставленный самим населением, полагал Сталин, должен быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом либо до окончания, либо после окончания войны с Германией, “когда это найдут целесообразным оба правительства”⁹².

На письмо Сталина Бенеш ответил 29 января 1945 г. Президент поблагодарил его за ясное и точное изложение советской позиции и постарался четко сформулировать свою точку зрения. Происшедшее в ЗУ он характеризовал как события “чисто местного характера” и как “следствие участия в них чисто местных деятелей”, к чему “присоединились некоторые заявления киевской радиостанции”. Бенеш заверял Сталина, что ни он “лично, ни чехословацкое правительство ни на минуту не допускали, что советское правительство имело намерение односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине

⁹⁰ Ibid., s. 474–475; *Fierlinger Z. Op. cit.*, d. 2, s. 559–560.

⁹¹ *Československo-sovětské vztahy...*, d. 2, s. 472.

⁹² *Документы и материалы...*, т. 4, кн. 2, с. 277.

или нарушить договор между нашими государствами”. Далее он выражал желание, чтобы вопрос был решен по согласованию между Чехословакией и Советским Союзом “по окончании войны с Германией, т.е. как только будет обеспечено восстановление наших домюнхенских границ с Германией и Польшей и когда я смогу переговорить по этому вопросу с нашими деятелями в Праге”. Бенеш подчеркивал неизменность своей позиции в вопросе о ЗУ по сравнению с сентябрем 1939 г. и желание окончательно решить его “в духе полной дружбы” с СССР, не допустив вмешательства других держав⁹³. Комментируя письмо Бенеша Сталину, Таборский записал в своем дневнике: “Президенту не остается ничего другого, как делать вид, что мы полностью верим обещаниям Сталина, и попытаться таким образом предотвратить худшее. Конечно, для президента речь ни в коем случае не идет о Подкарпатской Руси, от которой он готов действительно отказаться, а о том, чтобы воспрепятствовать чему-либо подобному в Словакии”⁹⁴. Основания для таких опасений давали высказывания Петрушака и украинских коммунистов о том, что Восточная Словакия, где было много украинцев (русин), должна вместе с Подкарпатской Русью войти в состав Советской Украины. Но Сталин, опасаясь международных осложнений и не желая портить отношений с союзниками по антигитлеровской коалиции накануне Ялтинской конференции, не намеревался заходить так далеко. Об этом свидетельствует и пресечение Сталиным инициативы Туряницы и НРЗУ, направившей в начале февраля 1945 г. своих эмиссаров в румынский уезд Марамуреш (с центром в г. Сигет), некоторую часть населения там составляли украинцы, с целью организовать там движение за присоединение уезда к Закарпатской Украине⁹⁵.

Обмен письмами между Бенешем и Сталиным внес определенную ясность в позиции СССР относительно времени формального решения вопроса (фактически он был решен) о государственно-правовой принадлежности Подкарпатской Руси. Тем не менее точки над “i” не были поставлены. Бенеш планировал в ближайшее время переехать на освобожденную территорию ЧСР, и, поскольку освобождение страны шло с востока, ехать на родину надо было через Советский Союз. 17 марта 1945 г. Бенеш во главе обширной делегации прибыл в Москву. Предстояло обсудить вопросы, касавшиеся нового состава чехословацкого правительства (с представителями Загранбюро КПЧ и СНС) и дальнейших чехословацко-советских отношений. Одним из них был и вопрос о “Карпатской Украине”. Он был рассмотрен на первой же встрече Бенеша с Молотовым 21 марта⁹⁶. Президент, опираясь на послание Сталина, полагал, что этот вопрос “будет решен между СССР и ЧСР в духе дружбы именно тогда, когда чехословацкие границы с Германией, Польшей и Венгрией будут закреплены”. Бенеш считал, что после его возвращения в Прагу парламент должен обсудить этот вопрос и принять на этот счет решение. То, что оно будет положительным, президент не сомневался: “Чехи самые разумные люди, они хотят заключить договор, как будет передана Советскому Союзу Карпатская Украина”. Бенеш, согласно записи в дневнике Таборского, был “полностью удовлетворен” результатами переговоров с Молотовым и тем, что договоренность была достигнута на основании писем, которыми обменялись Бенеш и Сталин⁹⁷. Казалось, что вопрос о времени определения государственно-правового

⁹³ Там же, с. 287–288. Перевод письма Бенеша на русский язык, хранящийся в РГАСПИ (ф. 17, оп. 128, д. 764, л. 31), несколько отличается по форме, но не по сути, от опубликованного позже в советских документальных сборниках.

⁹⁴ Československo-sovětské vztahy..., d. 2, s. 482–483.

⁹⁵ *Стыкалин А.С.* О попытке присоединения к Закарпатской Украине румынского уезда в 1945 г. – Белоруссия и Украина: история и культура. Ежегодник 2005/2006. М., 2008.

⁹⁶ Сейчас известны как советская, так и чехословацкая записи беседы. Их сопоставление свидетельствует, что, по сути, часть записей, касающихся Карпатской Украины, идентична. – АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 51, д. 833, л. 1–9; Československo-sovětské vztahy..., d. 2, dok. 248, s. 506–507.

⁹⁷ Československo-sovětské vztahy..., d. 2, dok. 248 (прим. 10), s. 512.

статуса Подкарпатской Руси на официальном уровне был улажен. Однако вскоре, во время второй встречи Бенеша с Молотовым 24 марта (в чехословацкой записи беседы 23 марта), стало ясно, что это не совсем так. Инициатором новой встречи, как следует из чехословацкой записи, стал Молотов. Беседа была посвящена преимущественно вопросу о Карпатской Украине. Идея новой встречи с Бенешем, по словам наркома, возникла после его разговора со Сталиным и другими советскими руководителями, которые, дескать, не знают, “что сказать по этому вопросу Президиуму Верховного Совета СССР”: “Нам хотелось бы получить что-либо определенное от президента”. Видимо, у советского руководства возникли сомнения относительно искренности намерений Бенеша отказаться от ПР в пользу СССР или согласия чехословацких парламентариев на это после войны. Молотов сказал, что был бы рад получить от президента письменное заявление на этот счет и предупредил, что оно должно быть секретным: “Этот вопрос требует выяснения отношений лишь между нами”. Советское руководство хотело, чтобы в заявлении Бенеш использовал ясные и четкие формулировки, т.е. сказал о “желательности общих границ с СССР и о том, чтобы Закарпатская Украина вошла в состав УССР”. На вопрос, каковы будут границы между Карпатской Украиной, которая отойдет к Советскому Союзу, и Чехословакией, Молотов ответил, что, “безусловно, граница должна остаться той, какая сейчас существует между Словакией и Карпатской Украиной”. Бенеш снова подчеркнул, что вопрос о Карпатской Украине должен решаться только между Чехословакией и СССР без вмешательства третьих стран. При этом он объяснил, “почему по мотивам стратегическим и политическим желательно, чтобы территория Советского Союза вышла за пределы Карпат, т.е. чтобы советская армия стояла уже на нашей стороне Карпат, что очень важно для нашей (ЧСР. – *В.М.*) безопасности и мира в Центральной Европе”. Президент обещал подготовить просимое письмо⁹⁸. Оно (на имя Молотова) было передано Фирлингером только что назначенному советскому послу в Чехословакии В.А. Зорину 26 марта. Бенеш подтвердил свою позицию по вопросу Закарпатской Украины. Этот термин сменил ранее употребляемые Бенешем названия Подкарпатская Русь и Карпатская Украина. Письмо гласило: “В беседе, имевшей место 24 марта с.г., Вы подчеркнули, что Вам было бы желательно иметь для Президиума Верховного Совета, в качестве дополнения к моему письму Маршалу Сталину от 24 января с.г. о Закарпатской Украине, письмо, в котором я отметил бы то же, что я при разных случаях высказывал Вашим послан в Лондоне. С удовольствием выполняю это Ваше желание и вновь повторяю, что, по моему мнению, Закарпатская Украина должна войти в состав Украинской Советской Социалистической Республики. Это осуществилось бы при соблюдении границ, существующих между Словакией и Закарпатской Украиной в Чехословацкой Республике, и согласно моему ответу Маршалу Сталину, т.е. по договоренности только между нашими обоими государствами и в момент, когда у меня будет возможность согласовать этот вопрос с нашими политическими деятелями в Праге. Искренне Ваш Э. Бенеш. 26 марта 1945 г.” В тот же день советская сторона подтвердила получение письма и выразила с ним свое согласие⁹⁹.

“Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине” был подписан 29 июня 1945 г. в Москве. О правомерности употребления в нем термина воссоединение до сих пор идет спор в исторической науке. Однозначно, он был неправилен, если иметь в виду территорию Закарпатья, которое никогда до 1945 г. не являлось частью Украины. Если же говорить о воссоединении украинского народа, то тут тоже встает вопрос о том, какая часть населения Закарпатья идентифицировала себя с украинцами, а какая считала себя русинами? Ответа на этот вопрос нет и до сего времени. После распада СССР и

⁹⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 51, д. 833, л. 10–12; Československo-sovětské vztahy..., d. 2, dok. 253, s. 520–522; Fierlinger Z. Op. cit., d. 2, s. 599–601.

⁹⁹ АВП РФ, ф. 0138, оп. 26, п. 132, д. 7, л. 2; Československo-sovětské vztahy..., d. 2, dok. 258, s. 526–527.

образования Украинской Республики киевские власти запретили проведение в Закарпатье референдума относительно государственно-правового статуса этого края. После 1945 г., и особенно в последнюю четверть века, шла активная его украинизация, изгнание духа “русинизма”, превращение “незрелых украинцев” в идеологически верных сынов и дочерей Украины. Все это объясняет и споры вокруг термина “воссоединение” в договоре от 29 июня 1945 г.

Сомнению подвергается и изначальная юридическая правомочность этого договора, поскольку он был подписан и ратифицирован, по мнению И.И. Попа, с “целым рядом нарушений международного права и Конституции ЧСР”¹⁰⁰. С советской стороны договор подписал по поручению Президиума Верховного Совета СССР народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов, с чехословацкой стороны – председатель правительства З. Фирлингер и государственный секретарь МИД ЧСР В. Клементис. Подписей представителей Подкарпатской Руси – Закарпатской Украины (Народной Рады Закарпатской Украины) под договором не было, как и подписей представителей Украинской ССР, которая в то время уже являлась членом ООН. Ратифицирован договор был Временным Национальным Собранием ЧСР (22 ноября 1945 г.), что, как считает И.И. Поп, тоже являлось нарушением Конституции ЧСР, позволявшей принимать решение об изменении государственных границ только Национальным Собранием, депутаты которого избраны на всеобщих выборах, а не назначены, как депутаты Временного Национального Собрания. “После распада СССР и ЧСР, – пишет И.И. Поп, – исчезли и субъекты, подписавшие договор, а их правонаследники, Российская Федерация, Чешская и Словацкая республики, не проявили своего отношения к указанному акту, поэтому де-факто Подкарпатская Русь – Закарпатская Украина оказались в юридическом вакууме”.

¹⁰⁰ Поп И.И. Энциклопедия..., с. 160–161.